

КРИСТИНА БРУК

Чаровница

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Б89

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Christina Brooke

A DUCHESS TO REMEMBER

Перевод с английского *А.Е. Мосейченко*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Брук, Кристина.

Б89 Чаровница : роман / Кристина Брук ; [пер. с англ.
А. Е. Мосейченко]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-086945-9

Красавица Сесили Уэструдер готова вступить в унылый брак по расчету со смешным, чудаковатым герцогом Норлэндом — да вот беда: в свое время она в письме брату безжалостно вышучивала жениха. И теперь, когда брат погиб при таинственных обстоятельствах, письмо необходимо срочно найти, иначе — конец всем надеждам на блестящее будущее.

Разумеется, благородный герцог Ашборн, как истинный джентльмен, готов прийти на помощь Сесили и даже рискнуть жизнью. Одно маленькое «но» — он сам безумно влюблен в девушку и готов на все, только бы она не досталась другому...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Christina Brooke, 2012
© Перевод. А.Е. Мосейченко, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086945-9

Глава 1

*Англия, 1816 год
Хартфордшир*

Леди Сесили Уэструдер никогда не лезла за словом в карман. Более того, по мнению ее родных, у нее был на редкость хорошо подвешен язык, весьма длинный и острый, и этим преимуществом она пользовалась при всяком удобном случае.

Но от столь откровенной наглости даже она потеряла дар речи.

Лавиния надула губки, а в ее синих глазах сверкнули молнии.

— Моя дрожайшая кузина! В таком случае посоветуй, мне бы очень хотелось услышать твое мнение: что мне делать?

Лавиния, графиня Давенпорт, прелестная, соблазнительная блондинка, обожала кокетничать и заигрывать с мужчинами более интересными, чем ее муж. Это были очень опасные заигрывания.

Сесили обменялась удрученным взглядом с мопсом, песиком Лавинии, который с грустным видом лежал на софе, пуская слюни прямо на атласную подушку. Весь будуар Лавинии — от мебели до послед-

ней лепной завитушки на стене — блестел позолотой и всевозможными оттенками розового. Ужасный кричащий вкус, режущий глаз.

— Я догадываюсь, в чем тут дело, — вздохнула Сесили. — Здесь все так ярко и пестро, что от этого у тебя, милая Лавиния, видимо, слегка помутилось в голове. Дорогая кузина, я посоветовала бы тут все переменить, переделать интерьер в менее возбуждающий, более спокойный синий цвет, это должно отрезвить тебя.

— Ну хватит, Сесили, — резко бросила Лавиния. — В конце концов, я прошу о такой малости, в сущности, о пустяке.

— О пустяке? — Сесили опешила. — Ты хочешь, чтобы я осталась у тебя после того, как разъедутся все гости, чтобы прикрыть твои амурные делишки, пока твой муж, мой кузен, в отъезде.

— Как можно быть такой вульгарной в своих мыслях, — притворно вздохнула Лавиния. — Столь откровенная прямота когда-нибудь доведет тебя до беды. Лорд Перси — друг, не более того. Он остроумен, забавен, его общество развлечет меня. А так как Бертрам в Лондоне, то не умирать же мне в одиночестве от скуки в этой глуши?

«Когда ни до кого нет дела, кроме себя, то конечно, — мелькнуло в голове Сесили. — А сколько здесь, в этом забытом богом уголке графства, дел — просто непечатый край. Да хотя бы проведать своих арендодателей, посмотреть, нельзя ли каким-нибудь образом улучшить их положение. Проявить хоть какой-то интерес к жизни в провинции».

— Не надо смотреть на меня такими глазами, — огрызнулась Лавиния. — Ты поймешь меня, как только выйдешь замуж за своего престарелого герцога.

— Он не так стар, как ты считаешь, — моментально выпалила Сесили. Норланд скорее казался старым, чем был на самом деле. С другой стороны, и Сесили, будучи весьма юной особой, для своего возраста выглядела не по летам зрелой.

Но она тут же прикусила язык. Доля правды в словах кузины точно была. Сесили не питала никаких романтических чувств к своему будущему супругу. Несмотря на это, она не собиралась крутить романы за спиной мужа — у нее было достаточно других увлечений, представлявших куда больший интерес.

В планах Сесили на будущее и мужу, и мужчинам вообще не придавалось особого значения — она не нуждалась в чей-либо помощи или поддержке. Брак для нее был средством, позволявшим добиться столь желанной материальной независимости. Если бы она откладывала вступление в брак, то ей пришлось бы долго ждать своей доли наследства — до тридцати лет, что было просто невыносимо. Кроме того, замужняя женщина обладала гораздо большей свободой, чем незамужняя.

Конечно, леди Уэструдер прекрасно понимала, как и с какой целью устраиваются браки по расчету. Помимо этого, она отлично знала, что Норланд и после женитьбы не собирается рвать отношения со своей любовницей. Да и беспорядочный светский образ жизни, столь широко распространенный и тайком поощряемый в лондонском свете, нисколько не привлекал Сесили, а притворяться и лицемерить она не любила. Если бы она пошла по стопам Лавинии, то заслуживала бы такого же презрения.

И вот теперь Лавиния хотела, чтобы Сесили помогла ей дурачить и водить за нос Бертрама. Нет, она ни

за что не согласится, какие бы угрозы и проклятия не посылала Лавиния на ее голову.

Более того, Сесили давно не испытывала к Лавинии никакой привязанности. Каждый раз приезжая в Гэрравей-холл, она вспоминала, что поместье унаследовал ее кузен Бертрам от брата Сесили, смерть которого она никак не могла забыть. Обычно Сесили уговаривала ехать с собой ее кузину Розамунду, но та недавно вышла замуж и была занята устройством семейного гнездышка.

«Впрочем, — с облегчением вздохнула Сесили, — меня можно поздравить — скучнейший вечер кончился, и страдания вместе с ним».

Кульминацией этого утомительного праздника стал бал, а на следующее утро все гости должны разъехаться по домам, за исключением разве что лорда Перси. Теперь Сесили могла со спокойной совестью вернуться в лондонский особняк герцога Монфора, ее опекуна. Там-то она отдохнет душой, забудет о дурном вкусе Бертрама и Лавинии среди пусть более дальних, но гораздо более близких ей по духу родственников.

— Боюсь, при всем желании, дорогая Лавиния, я не смогу дольше задерживаться у тебя. Монфор получил кучу приглашений в мой адрес. Сезон вот-вот начнется. Что же касается твоего плана, то на роль твоей компаньонки больше подходит какая-нибудь светская матрона, чем юная леди, только-только начинающая выезжать в свет.

— Думаю, ты права, — сухо ответила Лавиния, играя пузырьком с духами на своем туалетном столике. — В таком случае не могла бы ты одолжить мне Тибби?

— Нет. — Разве могла Сесили отдать свою верную компаньонку мисс Тибби, словно какую-то вещь вро-

де носового платка?! — А почему бы тебе не попробовать в этой роли миссис Арбакл, твою приживалку. Она не только будет смотреть на все сквозь пальцы, но и огородит от злых сплетен.

— Посмотрим, — протянула Лавиния, встав перед зеркалом и любуясь. — Почему бы и нет? Что мне еще остается, раз ты не хочешь оказать мне услугу. — Лавиния закусила губу. — Боюсь, как бы миссис Арбакл сама невольно не стала распускать слухи. Есть у нее слабость: не умеет она как следует держать язык за зубами.

Она провела рукой по кружевам, окаймлявшим юбку сзади, а другую положила на грудь, которую открывало очень глубокое декольте. По ее губам скользнула мечтательная улыбка, словно она вспомнила что-то очень приятное.

Очнувшись, она опять взглянула на Сесили. Вдруг ее взгляд утратил слащавую мечтательность, став цепким и завистливым. Лавиния пристально смотрела на двойную нитку жемчуга, украшавшую шею Сесили. Жемчуг был отборный, очень крупный, розового цвета; украшение перешло к Сесили по наследству, как и ряд других драгоценностей, от матери.

Сесили вспомнила, какое сильное дурное предчувствие охватило ее, когда она надевала жемчуг перед сегодняшним балом.

— А-а, — протянула Лавиния, — я вспомнила, что хотела тебе сказать. Я случайно нашла дневник Джонатана — в сундуке на чердаке. Боже, он, наверное, пролежал там все девять лет с лишком после его смерти.

Нарочито небрежная манера Лавинии больно кольнула Сесили в сердце. Смерть брата, сколько бы

лет ни прошло с его кончины, оставалась для нее неизбывным горем.

Джонатан...

В воздухе повисла долгая томительная пауза.

— Дневник? — с усилием наконец выдавила Сесили.

Несмотря на то что она старалась выглядеть такой же равнодушной и легкомысленной, как Лавиния, легкая, но заметная хрипота в голосе выдавала ее волнение.

Джонатан, брат, самый любимый и самый дорогой человек на свете...

Когда несколько лет назад Сесили поинтересовалась судьбой личных бумаг брата, Лавиния ответила, что все сожгла. Как это было в духе Лавинии — лгать всегда и всем. После смерти Джонатана мир Сесили рухнул. Ушел последний из близких ей людей. Все, что она считала своим в течение одиннадцати лет, вдруг стало принадлежать Бертраму и Лавинии.

Став новоиспеченной графиней, Лавиния наложила свою жадную лапу на все, что раньше принадлежало Сесили, и даже драгоценности, перешедшие к Сесили от матери, она считала своими.

— Вот я и подумала, — как бы на что-то намекая, сказала Лавиния, не сводя синих глаз с ожерелья, — наверное, для тебя он представляет какой-то интерес. Тебе ведь хочется его посмотреть, не так ли?

Сесили сразу все поняла. Невольно она прикоснулась ладонью к круглым, таким теплым и родным жемчужинам, закрывая их от завистливых глаз Лавинии.

На мгновение Сесили возмутилась от мысли, что ее украшение будет носить кузина. Каким бы доро-

гим и изящным ни был жемчуг, для нее важнее было другое — его носила мать, этот жемчуг впитал теплоту материнской кожи и сердца. Каждый раз надевая его, Сесили казалось, что мама с ней рядом, она как будто чувствовала материнскую доброту и заботу.

Что за сентиментальность?! Романтические мечтания, и только. Как можно предаваться подобной чепухе, когда она может заполучить прямо сейчас дневник Джонатана?

— Как это любезно с твоей стороны, кузина, — как можно спокойнее сказала Сесили. — Покажи мне его, пожалуйста, если он у тебя под рукой.

Было ясно, в чем заключался интерес Лавинии, — наступал момент торга.

Лавиния надула губки и прищурилась:

— С какой стати мне идти тебе навстречу, если ты не хочешь оказать мне даже пустяковую услугу.

Рисковать своей собственной репутацией ради репутации Лавинии — с точки зрения Сесили, вовсе не было пустяшной любезностью. Впрочем, не стоило обращаться к гадалке, чтобы узнать, чем закончится их беседа. Сесили судорожно принялась искать что-нибудь такое, что могло бы заменить жемчужное ожерелье. Кроме того, не стоило забывать о капризности и взбалмошности Лавинии. Когда что-то было не по ней, она в приступе истерики могла натворить все, что угодно. Например, не моргнув глазом, сжечь дневник Джонатана.

Во рту Сесили пересохло так, что она с трудом выдавила из себя:

— Если... если я одолжу тебе ожерелье на один вечер?

Лавиния задумалась.

— Заманчиво, м-м, очень заманчиво. Но почему только на один вечер? По-моему, одного вечера явно маловато.

Сесили облизнула губы. Неужели Лавиния хочет заполучить жемчуг надолго, если не навсегда? Но она никак не могла отдать ожерелье. Ее горничная, имевшая доступ к шкатулке с драгоценностями, скоро бы заметила его отсутствие. Как только слух о пропаже дошел бы до ушей герцога, поднялась бы ужасная шумиха.

— Ладно, — неохотно проговорила Сесили, — ты можешь пользоваться им до твоего возвращения в Лондон.

А ей придется придумать на всякий случай правдоподобную историю, объясняющую отсутствие ожерелья.

Лавиния никогда не умела ни скрывать, ни сдерживать свои эмоции. Жадность и холодный расчет отразились на ее лице так же отчетливо, как ее отражение в зеркале.

Сесили с трепетом ожидала дальнейшего торга, но тут Лавиния тряхнула в знак согласия головой.

— Хорошо. Можешь отдать его мне прямо сейчас? Ты не против, если я надену его сегодня вечером?

Сесили, обладавшую чувством прекрасного, перевернуло от отвращения: неужели ее чудесный розовый жемчуг будет соседствовать с кричащим зеленым платьем Лавинии? Тем не менее она немедленно расстегнула замочек сзади на шее из страха, как бы Лавиния не потребовала еще что-нибудь. С какой неохотой, с какой внутренней болью она отдавала материнское ожерелье, и кому — жене ее кузена, совершенно чужой женщине! Но ради Джонатана, ради того, чтобы

раскрыть тайну его смерти, Сесили была готова заплатить и не такую цену.

Жемчуг, как казалось Сесили, издавал немой крик, не желая переходить в чужие руки. Зайдя за спину Лавинии, Сесили замерла на мгновение, собираясь с духом. Встав на цыпочки — Лавиния была выше ростом, — она приподняла растрепанные локоны кузины, надела ожерелье на молочного цвета шею и защелкнула замочек. Жемчуг чуть соскользнул вниз, занимая привычное положение. Лавиния вся расцвела от удовольствия, как будто Сесили надела на нее не ожерелье, а королевскую корону. Не в силах смотреть на прихорашивавшуюся перед зеркалом кузину, Сесили с мрачным видом произнесла:

— Дневник. Прямо сейчас, пожалуйста.

— Ах да, конечно, — прошептала Лавиния и потрясла указательным пальцем. — Отвернись.

Сесили закатила глаза. Потайное место, о боже, оно оставалось потайным только для Лавинии. Сесили прекрасно знала, где оно находится, случайно открыв его, будучи девочкой-подростком. Но за прошедшие годы вряд ли что-нибудь изменилось, у Лавинии напрочь отсутствовало воображение, вряд ли она придумала что-нибудь новенькое.

Тем не менее Сесили послушно отвернулась, прислушиваясь к тому шуму, который издавала суетившаяся Лавиния.

Ожидание затягивалось, терпение Сесили было почти на исходе, когда Лавиния наконец-то принесла дневник. Едва ли не бросив его на стол перед Сесили, она опять принялась любоваться на себя и на ожерелье в зеркале.

Дрожащими руками Сесили прижала дневник брата к груди. Она гладила кончиками пальцев кожа-

ный переплет, а сердце щемило от грусти. Внезапно у нее возникла мысль: если Лавиния нашла дневник, то вполне вероятно, что и какие-нибудь другие бумаги брата, забытые, никому не нужные, лежат в пыли и забвении где-нибудь на чердаке или в другом дальнем углу. Раньше она думала, что Бертрам и Лавиния, присвоив себе все ценное, все остальное и ненужное просто сожгли, выбросили или продали. Но теперь Сесили вдруг стало ясно, что все далеко не так просто, как ей представлялось. У нее перехватило дыхание, как только она вспомнила о своем последнем письме к Джонатану.

— А ты случайно не знаешь, что случилось с бумагами моего брата? — осторожно спросила Сесили. — Мне бы хотелось вернуть мои письма к нему.

Если бы Лавиния знала, как кузине хотелось получить обратно одно свое письмо, то, конечно, сохранила бы его. Стараясь выглядеть как можно беззаботнее, Сесили сказала:

— Может, ты нашла еще какие-нибудь бумаги вместе с дневником?

Лавиния нахмурилась:

— Нет, больше ничего. Не пойму, зачем тебе сдались твои собственные письма?

Пропустив ее вопрос мимо ушей, Сесили непридуманно повела разговор в чуть другом направлении:

— А его научные работы, заметки тебе не попадались?

Разумеется, ни Бертраму, ни Лавинии эти бумаги были совсем ни к чему.

Лавиния небрежно пожала плечами:

— Кто-то приходил за этими бумагами сразу после его смерти. Я сказала, что можно забирать их все,

мне они нисколько не нужны. Но это было так давно, много лет назад.

В том, что Лавиния продала эти бумаги, у Сесии не было ни тени сомнения. Чтобы ее драгоценная кузина рассталась с чем-нибудь, не извлекая для себя выгоду, — такого просто не могло быть. А что, если ее письмо оказалось среди тех бумаг? От этой мысли у Сесии дрогнуло сердце. Если содержимое ее письма выплывет на свет, скандал неизбежен.

— А кто приходил за бумагами? — не унималась Сесии. — Видимо, какой-то знакомый или друг брата?

— Если тебе непременно так хочется знать, это был герцог Ашборн. — Тон Лавинии был небрежен, но он не мог обмануть Сесии. — Очень привлекательный мужчина. Темноволосый. А какие у него глаза!

Удивленная ответом, Сесии растерянно повторила:

— Герцог Ашборн? Что его могло заинтересовать в бумагах Джонатана?

— Да откуда же мне это знать? — Лавиния жеманно закатила глаза. — Но когда обращается герцог с просьбой, отказать невозможно. Тем более такому герцогу.

Сесии охотно поверила кузине. Фигура Ашборна, и прежде всего его подавляющая властность, тут же возникла в памяти Сесии. Не будучи с ним знакома, она хорошо знала, каким весом он обладает в свете. Очень влиятельная фигура, делец, участвующий во всевозможных предприятиях. А его репутация очень умного и всезнающего человека могла поспорить с репутацией самого герцога Монфора. Более того, судя

по слухам, Ашборн на политическом поприще не раз переходил дорогу Монфору, путая ему карты.

— Видимо, эти бумаги имели явный интерес для герцога. Полагаю, его светлость отдал тебе солидную сумму за бумаги брата.

Лавиния поспешно отвернулась, но Сесили успела заметить торжествующий блеск в ее глазах. Ей стало ясно: во-первых, Лавиния выручила круглую сумму за бумаги Джонатана, а во-вторых, скорее всего, скрыла от супруга эту сделку. Полученные деньги Лавиния, вне всякого сомнения, потратила на платья или пустила на ветер, проиграв в карты.

— Когда это случилось? — спросила Сесили. — Неужели Джонатан был знаком с его светлостью, я ничего не слышала об этом.

— Полагаю, что да, был знаком, — закивала головой Лавиния. — А случилось это сразу после того, как Джонатан ушел из жизни. На самом деле именно герцог Ашборн был первым, кто принес печальное известие о смерти Джонатана.

Больше Сесили не о чем было разговаривать с Лавинией. Извинившись, она быстро направилась в свою спальную комнату, то и дело путаясь ногами в юбках. Верхняя, из муслина, была украшена красивым узором из веточек и листьев. Вбежав в спальную, она упала на кровать, так крепко прижимая дневник брата к груди, как будто его душа покоилась внутри кожаной обложки.

Прежде чем начинать читать, надо было успокоиться. В конце концов, это был всего лишь дневник, и воскресить к жизни любимого брата он никак не мог.

Сесили не плакала, когда ей сказали о кончине брата. Тогда Си было всего десять лет, и Джонатан

являлся для нее всем. Случившееся несчастье раздало ее, боль и горе были настолько велики, что она не могла плакать. Похоронив в глубине сердца ноющую сверлящую боль, смешанную с тоской по брату, все последующие годы она старалась избегать думать о нем, чтобы не ворошить прошлое.

До сегодняшнего дня.

Джонатану было двадцать четыре года, а ей — десять. По возрасту он вполне мог быть ее отцом и фактически был им. Джонатан нисколько не походил на ее опекуна, герцога Монфора, который казался таким далеким, чужим и недоступным. Не был он и рассеянным ученым-чудаком, каким был отец Сесили. Когда ей было шесть лет, ее родители погибли — лошади понесли, и карета разбилась, — поэтому Джонатан стал ей самым близким и самым любимым человеком на свете. А потом умер и он: погиб при пожаре в своей лаборатории. Невозможно было поверить в то, что навсегда исчезли этот блестящий, острый ум, неистощимый добродушный юмор, любящее доброе сердце. Кузен Бертрам вместе с женой Лавинией тут же поселились в доме Джонатана и Сесили под предлогом, что девочка нуждается в опеке и присмотре.

Но Сесили не нуждалась в их опеке, их мнимая забота о ней была ей совсем ни к чему. Ей был нужен Джонатан. Через несколько дней к ним нагрянул герцог Монфор и забрал никому не нужную сироту к себе.

Величественный роскошный Харкорт, особняк герцога Монфора, едва можно было назвать уютным гнездышком, так же как бойких, дерзких, уверенных в себе кузин семейства Уэструдер — брошенными, не-